

Александр ШВЕЦОВ

## ИННОВАЦИОННЫЙ СУПЕРПРОЕКТ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»

*Рассматриваются смысл и содержание инновационного проекта создания «информационного общества», анализируются предпосылки и ограничения реализации этого проекта в конкретных условиях современной России.*

**Ключевые слова:** инновации, информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, модернизация

В России взят курс на формирование «информационного общества». С этим выбором связываются смысл и содержание новейших задач *модернизации* страны и ее регионов, он объявлен одним из приоритетных направлений перевода экономики и социальной сферы на путь *инновационного* развития.

Но возникают два на первый взгляд простых и отчасти «провокационных» вопроса.

Во-первых, в какой мере этот позиционируемый в качестве национального проект актуален для современной России?

Во-вторых, по плечу ли ей эта задача, понимаемая не упрощенно как способ насыщения страны чужими и простейшими информационно-коммуникационными технологиями (далее — ИКТ), а как подлинно стратегическая программа самостоятельного — на базе отечественной науки, техники и промышленности — перехода к новому технологическому укладу и образу жизни?

### *Растущие амбиции и сужающиеся возможности*

Следует напомнить, что концепция «информационного общества» сложилась в последней четверти XX в. как результат теоретического осмысления особенностей взаимовлияния процессов научно-технического и социально-экономического прогресса, характерных для *постиндустриальной* стадии развития ведущих стран капиталистического мира. Именно в таком смысле «информационное общество» утверждается прежде всего в тех странах — в США и Западной Европе, в Японии, в которых в 1960—1970-х гг. сформировалось *постиндустриальное общество*.

Между тем Россия, в которой с энтузиазмом ухватились за указанную идею, в результате неудачных советских (перестроечных) и постсоветских (рыночных) реформ, а также до сей поры непреодоленного системно-

го кризиса оказалась отброшенной далеко назад — в *раннеиндустриальное* прошлое, а на отдельных все менее, но пока еще все-таки остающихся заселенными территориях страны вообще следует констатировать их фактическую *деиндустриализацию*.

Не получается ли так, что в условиях, когда доминируют задачи восстановления докризисного<sup>1</sup> уровня (и даже реиндустриализации) экономики страны и ее регионов, тема «информационного общества» просто уводит общество от сути злободневных задач? Да и о каком прорыве к информационному обществу можно говорить в условиях непрекращающейся деградации отечественной науки и электронной промышленности?

Будущее России при сохранении нынешних тенденций видится довольно неутешительным — как банального потребителя чужих и, естественно, «не первой свежести» информационно-коммуникационных технологий, знаний и информации. А потому следует всерьез опасаться того, что непродуманные усилия по продвижению неадаптированных заимствованных (или навязанных) идей стратегического развития способны только усугубить крайне негативные последствия аномальных различий, обогатив их новыми видами: в частности, вызвав к жизни так называемое «информационное («цифровое») неравенство» населения, регионов и городов.

Таким образом, ни с точки зрения *предложения* (обеспечиваемого за счет преимущественно *собственных* разработок и производства, а не закупок за рубежом) передовых информационных технологий, ни с позиций *массового спроса* на них (формируемого не только узким слоем богатого населения, немногими крупнейшими мегаполисами и корпорациями) нет достаточных оснований говорить о действительно назревшем и реализуемом, а не всего лишь о политически декларируемом переходе к новому качеству жизни в развитом «информационном обществе». Подчеркнем — в «информационном обществе», *создаваемом своими силами и достижениями и в соответствии с собственными потребностями и национальными интересами*.

### ***Варианты информационной модернизации***

Но следует ли из констатации факта несоответствия российской ситуации (за редкими исключениями) критериям постиндустриального «информационного общества» делать пессимистический вывод, что надо об этом проекте пока забыть и терпеливо ждать, когда сами собой в ходе эволюционного развития постепенно сформируются все необходимые для такого трансформационного перехода условия?

Такая постановка напоминает проблемную альтернативу уже не единожды встававшую в прошлом перед всеми отечественными реформаторами: ждать ли естественного вызревания необходимых предпосылок или, не дожидаясь этого, активно созидать желаемое будущее вопреки неблагоприятным обстоятельствам? Открывающиеся благоприятные возможности и подстерегающие негативные последствия («ловушки») на этом пути достаточно хорошо известны из отечественной истории последнего трехсотлетнего (а может быть, и большего) периода. Но однозначного

<sup>1</sup> Речь идет не о последнем кризисе 2008 г., а о системном кризисе, связанном с трансформационными потрясениями страны 1980–1990-х гг.

ответа на вопрос: что же лучше — «левый» (революционный) либо «правый» (эволюционный) уклон — нет и, похоже, эта дилемма относится к категории непреходящих, «гамлетовских» вопросов нашего развития.

Современное развитие этого вечного и неизменно драматического для России сюжета развивается в русле полемики, какой должна быть модернизация — «догоняющей» технологии развитых стран, «опережающей» их или «совместной с ними», т.е. состоящей в поисках путей развития на равных со странами мирового авангарда?

Преобладающим является мнение экспертов, полагающих, что уготованный нам историей путь «догоняющей» модернизации предопределил сознательную ориентацию на заимствование отдельных достижений из опыта стран западной культуры, начавших модернизировать себя гораздо раньше других — еще с XVII в. и подошедших к концу XX столетия к постиндустриальной фазе. Не раз предпринимавшееся государственной властью в прошлом выборочное заимствование, с одной стороны, помогало ускоренному продвижению страны на отдельных направлениях ее развития. Но, с другой — движение по этому пути становилось источником возникновения опасных «ловушек». В них не раз попадала и еще рискует попасть Россия. И прежде всего по причине рассогласования нового и старого сегментов единого «социального тела», живущего в состоянии перманентной модернизации<sup>2</sup>.

Разумеется, мало кому из экспертов по нраву признание безысходности нынешнего положения страны. Как правило, всем хочется быстрого и ошеломляющего успеха, свидетельством которого было бы возвращение России в круг государств — мировых лидеров, но уже не в ее советском качестве. Довольно оптимистично выглядят прогнозы сторонников оказавшегося ныне весьма востребованным (восходящим к теории циклов Н.Д. Кондратьева и развитым затем его последователем И. Шумпетером) направление экономической науки, рассматривающее в качестве главной движущей силы общественного прогресса смену технологических укладов.

Так, С. Глазьев считает<sup>3</sup>, что страна давно готова для «опережающей» модернизации, смысл которой заключается в оставлении бесплодных попыток наверстать отставание в нынешнем технологическом укладе, а сразу перескочить в следующую стадию технологического развития. По его мнению, любой технологический уклад, который уже сформирован, достиг фазы насыщения, потребует все больших затрат и даст меньше прибыли, которая в конце концов станет отрицательной. А лидеры научно-технической гонки тем временем наращивают превосходство. И вход в эту технологическую траекторию для новичков оказывается все более дорогостоящим и экономически рискованным. Производства же принципиально нового технологического уклада существенно менее затратны, чем предыдущего, и грех этим преимуществом не воспользоваться.

Насчет затрат, наверное, так оно и есть. Но могут ли на такую выгоду рассчитывать те страны, которые, не освоив технологии предыдущего уклада, попытаются «впрыгнуть» сразу в следующий более развитый

<sup>2</sup> Вишневский А. Ловушки консервативной модернизации // Знание — сила. 2010. № 10. С. 35–36.

<sup>3</sup> Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

уклад? Окажется ли удачным и необратимым столь решительный маневр и к каким диспропорциям внутри совершившей подобный рывок страны он приведет?

С некоторой натяжкой можно, правда, сказать, что мировой истории известны случаи инверсии в траектории обязательного и последовательного прохождения одних и тех же экономико-технологических стадий развития. Некоторые страны (даже такие ныне преуспевающие, как США) отклонялись от движения в строгом соответствии с теоретическими моделями последовательности смены укладов. Очередность формирования секторов-лидеров в них оказывалась иной, и они могли переходить, например, к четвертичному (экономика знаний) сектору, минуя третичный (услуги). Однако обратим внимание, что такая инверсия, как правило, была следствием *длительного и естественного эволюционного процесса*, а не сознательной государственной политики их правительств.

Тем не менее высказываются суждения, что Россия вкупе с развивающимися странами получает все же свой шанс для радикального сокращения отставания в сложившихся в начале XXI в. (на восходящей волне большого цикла) условиях замедления экономического роста и интенсивности нововведений в передовых странах.

Так, по мнению Г. Малинецкого, отрасли нынешнего (V) технологического уклада, возможности которого нами упущены, уже не дают прежней отдачи и не требуют гигантских финансовых средств. В этих отраслях приближается или уже произошло насыщение. И производство некоторых продуктов (например, мобильных телефонов) с переднего края технологического развития дрейфует в направлении аутсайдерских технологических ниш. Между тем отрасли следующего (VI) технологического уклада еще не созрели для массированного вложения средств. Наступившее «межвременье», с одной стороны, привело к кризису. С другой — стало периодом, когда отбираются и проходят обкатку те нововведения, которые станут символами мирового развития в обозримом будущем (до 2040–2050-х гг.). И именно нахождение в точке бифуркации в глобальном технологическом пространстве дает России реальные возможности многое изменить к лучшему<sup>4</sup>.

Похожую позицию занимают и другие ученые.

По мнению В.М. Полтеровича, выдвинувшего гипотезу «инновационной паузы», накопленный научно-технический потенциал в нынешней ситуации в большей степени способствует экономическому росту *догоняющих* стран, нежели передовых<sup>5</sup>. Однако в противовес этой точке зрения выдвигается мнение, что инновационная пауза не может существенно изменить соотношения значений ВВП между более развитыми и развивающимися странами. К тому же задача догоняющей модернизации России дополнительно осложняется нарастающей конкуренцией со стороны крупных быстро развивающихся стран (Китай, Бразилия, Индия, Мексика и др.), осуществляющих мощную экономическую экспансию<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Малинецкий Г. Проектирование будущего // Знание—сила. 2010. № 10. С. 16–17.

<sup>5</sup> Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегии модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6.

<sup>6</sup> Клинов В. Особенности современной динамики мирового хозяйства // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 90–91.

В дополнение к двум наиболее широко обсуждаемым возможным сценариям российской модернизации — «догоняющему» и «опережающему», следует также остановиться и на еще одном сценарном варианте — на «совместной» модернизации.

Такую промежуточную траекторию предвидит и всячески поддерживает ее выбор в качестве государственной политики, например, Е. Гонтмахер, называя ее *поисковой*. Суть этого возможного, по его мнению, пути движения страны состоит в том, чтобы отказаться от заимствования образцов нынешних институтов обществ, признаваемых нами передовыми, а не стремиться повторять механически то, что в этих странах изживается под влиянием общественного прогресса. Кроме того, он предполагает проанализировать наметившиеся там тенденции развития и нацелиться на «имплантацию» вновь создаваемых институтов общественного развития в Россию. Утверждается, что только активное включение в мейнстрим идейных поисков, которые идут на Западе, несмотря на всю сложность этого пути, дает шанс нашей стране попасть в «когорту цивилизационных маяков»<sup>7</sup>.

### ***Готовность России к технологическому рывку***

Но, какой бы из названных вариантов модернизации — «догоняющий», «опережающий» или «совместный» — страна ни выбрала, речь идет о необходимости совершения ею *технологического рывка*. И тут никак не избежать вопроса, готова ли для этого современная Россия? К сожалению, все пока говорит в пользу того, что ответить на данный вопрос утвердительно — значит выдавать желаемое за действительное. Слишком много поводов для столь пессимистического вывода дает сложившаяся ситуация и, что особенно удручает, *закрепляющиеся тенденции ее развития*.

Даже С. Глазьев, убежденный в готовности страны к «опережающей» модернизации, вместе с тем справедливо напоминает, что США, ЕС, Япония, а теперь уже и Китай — лидеры в технологическом развитии, вкладывают огромные средства в НИОКР. Причем именно эти сектора, в которых темпы роста составляют 35% в год, вытягивают экономики указанных стран из кризиса и создают задел на будущее. В России же к 2009 г. доля расходов на НИОКР, отмечает С. Глазьев, упала до 1% ВВП. В абсолютном выражении это меньше, чем в США, в 17 раз, в странах ЕС — в 12 раз, в Китае — в 6,4 раза. Примечательно, что Китай за последние 10 лет увеличил затраты на НИОКР в долларовом эквиваленте более чем в 6 раз, тогда как Россия — немногим более чем в 2 раза. О какой высокотехнологичной конкуренции может идти речь?

Примеров того, насколько сильно отстает Россия от стран-лидеров в конкурентоспособности на рынках высоких информационных технологий, несть числа. Так, в приоритетнейшей для «информационного общества» сфере производства и использования суперкомпьютеров, по словам директора Института системных исследований РАН академика

---

<sup>7</sup> Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 3.

В. Бетелина, мы проигрываем США в 2,5 раза по производительности самого мощного суперкомпьютера, почти в 100 раз — по суммарной производительности и в 1000 раз — по масштабам их применения в промышленности<sup>8</sup>. А ведь на заре эры суперкомпьютеров — в 1950–1960-х гг. — СССР боролся с США за лидерство в этой престижнейшей гонке.

Но самое неприятное связано с *тенденциями ухудшения ситуации*. Обратимся еще к одному новейшему источнику международных сопоставлений.

Согласно материалам Доклада Всемирного экономического форума<sup>9</sup>, Россия показала самое глубокое падение *глобального индекса конкурентоспособности* за годы кризиса (2008–2010 гг.) не только среди стран — членов «Группы двадцати» и БРИК, но даже и в составе СНГ. В 2009–2010 гг. она оказалась на 63-м месте, опустившись по сравнению с предыдущим периодом (2008–2009 гг.) на 12 мест, и это самый худший показатель среди стран — членов «Группы двадцати». Не менее удручающим выглядят наши неудачи в сравнении с государствами группы БРИК. Бразилия, Индия и Китай почти безболезненно перенесли кризис и даже способствовали подъему мировой экономики, улучшив свои показатели конкурентоспособности: Бразилия — на 8 пунктов (поднялась на 56-е место), Индия — на 1 пункт (заняла 49-е место) и Китай — тоже на 1 пункт (переместился на 29-е место). Что касается России, то на фоне таких вполне *благоприятных* показателей, как размер ее внутреннего рынка (7-е место в мире) и макроэкономическая стабильность (36-я позиция в рейтинге), по большинству других показателей страна находится в последней трети списка из 133 государств. *Наихудшие* результаты Россия показала по уровню институционального развития (114-е место), эффективности рыночных механизмов (108-е место) и развитости финансового рынка (119-е место).

Применительно к рассматриваемой нами сфере ИКТ наибольший интерес вызывают сводные показатели:

- технологической готовности;
- инновационной деятельности.

Уровень технологической готовности — характеризует быстроту, с которой экономика ассимилирует существующие технологии для повышения производительности ее различных отраслей. Это имеет принципиальное значение, поскольку главным образом именно дифференциацией уровней технологической готовности стран объясняется их неравенство по производительности труда. В последние годы заметно повысилась относительная важность внедрения новейших технологий в деле обеспечения национальной конкурентоспособности. Причем главный вклад в этот процесс вносили успехи в расширении использования ИКТ. Так, например, наибольший рост производительности труда, зафиксированный в США за последнее десятилетие, отмечался именно в тех секторах, где широко использовались ИКТ; это — в первую очередь оптовая и розничная торговля, отличающаяся особенно высоким уровнем ассимиляции информационных технологий. Для определения уровня технологической готовности страны в рассматриваемом докладе оценивались наличие и распро-

<sup>8</sup> Российская газета, 9 марта 2010 г.

<sup>9</sup> Глобальная конкурентоспособность 2009–2010 гг. Доклад Всемирного экономического форума. Давос, Швейцария, январь 2010 г. М.: НИИ СП, 2010. С. 33, 38–39.

страненность информационных и других технологий, а также насколько агрессивно фирмы внедряют эти новые технологии.

Сводный показатель уровня технологической готовности России зафиксировал ее в нижней половине списка государств — на 74-м месте. Что касается ряда отдельных показателей, определяющих общий уровень технологической готовности, позиции России еще менее благоприятны. Особенно удручающе выглядит отставание по наличию современных технологий (102-е место) и нацеленности фирм на новые технологии (104-е место). Немногом лучше обстоят дела с правовой базой, регулирующей ИКТ (93-е место), общественной доступностью Интернета (74-е место), с наличием персональных компьютеров (56-е место), с числом подписчиков «быстрого» Интернета (68-е место). Только по такому показателю, как распространенность мобильных телефонов, Россия выглядит вполне прилично (14-е место)<sup>10</sup>.

Сводный показатель технологической готовности, оценивающий способность страны *абсорбировать* отечественные или зарубежные технологии, дополняется сводным показателем инновационной деятельности, оценивающим способность страны *производить* принципиально новые технологии. Этот второй показатель имеет особенно большое значение для стран, где генерирование инноваций является, по сути, единственным фактором обеспечения роста. В таких странах фирмы для того, чтобы удерживать свои конкурентные преимущества, должны разрабатывать самые передовые продукты и процессы. Этому служит и особая среда, благоприятствующая инновационной деятельности, а именно: обширные инвестиции, направляемые коммерческими предприятиями в исследования и разработки, высокий статус научно-исследовательских учреждений, эффективное сотрудничество в области научных исследований университетов и промышленности, правовая защита интеллектуальной собственности. В то же время для менее продвинутых стран единственная возможность повышать свою производительность — это внедрять уже существующие технологии или добиваться постепенных улучшений в других областях.

Итак, инновационная политика находится в центре экономической политики многих стран<sup>11</sup>. Специфика же российского инновационного процесса в том, что с 1990-х гг. *импорт технологий* стал стремительно возобладать над *собственными технологическими разработками*. Этому способствует структура затрат на инновации, остающаяся на протяжении последних десяти-пятнадцати лет практически неизменной. Их преобладающая часть (почти на 60%) связана с *приобретением машин и оборудования*. В то время как на НИОКР расходуется всего около 10% средств.

<sup>10</sup> Там же. С. 46–47, 55.

<sup>11</sup> Сами по себе продвижение и поддержка отдельных крупных проектов в области НИОКР не являются эффективной стратегией. Напротив, накопление мелких изменений наряду с неформальными инновациями может оказать примерно такое же воздействие на рост, что и крупные проекты в области исследований и разработок. Они обычно приводят к дополнительным сопутствующим эффектам, таким как: дополняющие (комплементарные) инновации, развитие специальных навыков, а также дополнительные инвестиции. Таким образом, наряду с вниманием, сосредотачиваемым на лидерах технологических нововведений, инновационная политика должна быть направлена на создание благоприятной среды для предпринимательства и инноваций во всем диапазоне экономической деятельности.

Это — полная противоположность инновационным приоритетам развитых экономик, предприятия которых ориентированы преимущественно на НИОКР, а не на приобретение машин и оборудования. К примеру, в Германии доля расходов на НИОКР составляет половину затрат предприятий на технологические инновации, в Швеции — 65%, во Франции — почти 70%. Соответственно доля затрат предприятий на приобретение машин и оборудования в Германии составляет только 25%, во Франции — около 10%, а в Швеции — всего-навсего 2–3%<sup>12</sup>.

Следствием столь удручающего положения с созданием высоких технологий в российской экономике становится закрепление примитивного способа ее участия в международном разделении труда: обмена низкотехнологичных товаров (главным образом сырья) на ввоз высокотехнологичной продукции и технологий. И пока ничто не предвещает того, что в обозримой перспективе ситуация изменится, поскольку по-прежнему научные «открытия и изобретения не становятся работающим капиталом, не вызывают делового интереса у инвесторов»<sup>13</sup>. Вместо этого у нас сделана ставка на производство «обычных товаров, производимых дочерними предприятиями западных корпораций»<sup>14</sup>. Из-за этого российская инновационная система все более тесно встраивается в глобальные цепочки добавленной стоимости, которые полностью и жестко контролируются иностранными производителями (главным образом крупными ТНК), стратегия которых заключается в вывозе сборочных производств в третьи страны (в т.ч. и в Россию), при сохранении за собой ключевых компетенций (разработка, экспертиза) в области ноу-хау и в укреплении зависимости местных разработчиков в этой области от западных материнских компаний.

В рассматриваемом нами Докладе Всемирного экономического форума оценки России по сводному показателю инновационной деятельности также не позволили ей заметно приблизиться к странам-лидерам, отдав ей лишь 51-е место, но в отличие от показателя технологической готовности наши инновационные позиции выглядят благоприятнее. Еще выше поднялась в списке из 133 стран Россия по таким показателям, как потенциал для инноваций (42-е место), качество научно-исследовательских учреждений (тоже 42-е место), расходы компаний на НИОКР (46-е место), взаимодействие университетов и промышленности в сфере НИОКР (48-е место), наличие ученых (такое же 48-е место). И только показатель правительственных ассигнований на перспективные технологические продукты несколько нарушил «кучность» инновационных оценок — недостаточная щедрость государства «опустила» страну на 69-е место<sup>15</sup>.

Можно, конечно, усомниться в корректности применяемой авторами доклада методики и отказать в доверии полученным с ее помощью

<sup>12</sup> Карачаровский В.В. Преодолеют ли инновации в России технологический пат // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Выпуск 6. С. 45–47.

<sup>13</sup> Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия-2050. Стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2004. С. 169.

<sup>14</sup> Иноземцев В.Л. Социально-экономические проблемы XXI века. Попытка нетрадиционной оценки. М. 1999. С. 86.

<sup>15</sup> Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. 40, 57.

неприятным оценкам. Но упрекнуть методику в очевидной предвзятости вряд ли возможно, поскольку применяется она одинаково ко всем странам и опирается на первичную информацию, полученную «из первых уст»<sup>16</sup>. Да и по другим методикам международных сопоставлений получаются не очень благоприятные для нас оценки<sup>17</sup>.

Предметом международных сопоставлений выступают и собственно процессы продвижения к «информационному обществу». Для этого активно используются различные методики рейтинговых оценок информатизации, в основу которых положено такое интегральное понятие, как *готовность к «информационному обществу»*, или «электронная готовность».

Наиболее авторитетными являются рейтинги, подготавливаемые под эгидой ООН. В выпускаемых этой организацией отчетах используются рейтинги стран по «электронной готовности» и «электронному участию». При этом под «готовностью» предложено понимать образовательный уровень населения, уровень развития инфраструктуры и информационных сервисов. А под «участием» — степень открытости государства для взаимодействия с гражданами через Интернет. Самыми «готовыми» странами оказались США и Швеция, а самыми «открытыми» — Великобритания и США. К сожалению, Россия не вошла в почетную группу из 25 ведущих стран ни по одному из этих показателей, заняв 58-е место в мире по «готовности» и 91-е по «открытости».

К отставанию советских времен добавились двадцать лет технологического застоя в новой России. И главная потеря последних десятилетий состоит в демодернизации российского экономического потенциала (производственного и инновационного), роковым следствием чего выступает продолжающийся, вопреки всем доводам ряда аналитиков и декларируемым намерениям властей, заметный рост сырьевой компоненты и усиливающаяся примитивизация российской экономики. Но, несмотря на столь удручающие выводы, те же эксперты стараются успокоить себя и других, утверждая, что не все еще потеряно. Ведь «пока еще сохраняется реальная альтернатива — активизация имеющегося научно-производственного потенциала для достижения и поддержания приемлемого уровня конкурентоспособности отдельных отраслей и секторов российской экономики»; надо только поддерживать «небезнадежные производства (там, где у нас есть шанс вырваться на конкурентоспособный уровень)»<sup>18</sup>.

<sup>16</sup> Все оценки основаны на опросах топ-менеджеров компаний, количество которых определяется в зависимости от размера экономики страны (например, для Китая число респондентов составило 373 чел., для США — 404, а для России — 368). Кроме того, предусматривается отбор респондентов по специальной схеме, обеспечивающей в определенной пропорции представительство основных секторов экономики (сельскохозяйственное производство, обрабатывающая промышленность, добывающая промышленность, сфера услуг) и различных по своим размерам компаний, определяемым численностью их сотрудников.

<sup>17</sup> Так, Всемирный банк в новом рейтинге стран мира по «легкости ведения бизнеса» поставил Россию на 123-е место среди 183 стран и территорий. Хотя еще год назад наша страна была в этом списке 116-й. А по показателю «Получение разрешений на строительство» Россия вообще заняла не очень почетное 182-е место / Российская Бизнес-газета, 23 нояб. 2010 г.

<sup>18</sup> Гринберг Р.С. Осуществима ли российская модернизация? // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 144, 145.

Оправданно ли это? И как можно надеяться на активизацию того, чего уже почти нет?

### ***Фрагменты зарубежного опыта прорывных успехов в сфере ИКТ***

Необходимость решения проблем ускоренного развития ИКТ-сектора нашей экономики заставляет обратить внимание на страны, сумевшие достичь успехов в развитии этой отрасли. Таких стран по миру не так уж много. И первыми в их ряду стоят Япония, Корея, Сингапур и Тайвань, чьи достижения, окрещенные «восточноазиатским чудом», оказались в значительной мере *результатом успешной работы правительств* этих стран. Стать мировыми производителями новейших технологических продуктов каждой из них позволили решения, определившие производство ИКТ в качестве *стратегических отраслей*. Не менее блестящий пример такой государственной политики являют недавние успехи в развитии ИКТ Ирландии и Коста-Рики.

В Тайване и Корее промышленность по производству компьютерных деталей благодаря *стратегической государственной поддержке* формирования и развития этого сектора ИКТ стала главным двигателем экономического роста этих стран. Показателем успешности этих усилий стало увеличение доли отрасли ИКТ в ВВП этих стран: в Тайване она превысила 16%, а в Корее — 13%. Еще более убедительным стал рост долей сектора ИКТ в экспорте каждой из этих стран: в последнее время эти доли варьируют в пределах 40–60%<sup>19</sup>.

Столь же успешным является и рост сектора ИКТ в Ирландии, который во многом был обусловлен *государственной политикой привлечения прямых иностранных инвестиций*, под лозунгом «Индустриализация путем приглашения». Этой небольшой европейской стране удалось преуспеть в привлечении (на конкурсной основе) транснациональных корпораций, обеспечивших стратегический рост сектора ИКТ. К примеру, корпорация *Intel*, мировой производитель компьютерных микросхем, инвестировала в свою деятельность в Ирландии с 1989 г. и до середины 2000-х гг. около 6 млрд долл. и на протяжении последующих нескольких лет планировала потратить еще около 4 млрд на новое производственное оборудование<sup>20</sup>. Как результат, эта маленькая страна с менее чем четырьмя миллионами жителей на рубеже XXI в. стала восьмым государством в мире по объему экспорта компьютерного оборудования и пятым — по объему производства программного обеспечения в мире<sup>21</sup>.

<sup>19</sup> Хуонг Минь Ву. Задачи экономической политики развития информационно-коммуникационных технологий для обеспечения экономического роста в развивающихся странах // Социально-экономические проблемы информационного общества. Сумы: Университетская книга, 2010. С. 280.

<sup>20</sup> Веб-сайт компании Intel [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intel.com>.

<sup>21</sup> Все тот же прием *государственного стратегического выбора* отрасли ИКТ в качестве «мотора» экономического роста стал условием невероятного прорыва в развитии ИКТ-сектора в Коста-Рике. С 1995 г. более тридцати иностранных ИКТ-фирм основали свои заводы в Коста-Рике, в их числе — *Intel*, *Microsoft*, *Lucent Technologies* и *Siemens*. Уже в 1999 г. компьютерные микросхемы составили около 40% экспорта Коста-Рики, намного превысив экспорт главных традиционных для страны экспортируемых товаров — бананов и кофе. Хуонг Минь Ву. Указ. соч. С. 281.

Восхищаясь приведенными примерами, все же не стоит забывать, что перечисленное не столько фундаментальные достижения, ставшие результатами развития национальной науки, техники и промышленности этих государств, сколько тактические успехи правительств по привлечению иностранных компаний и в первую очередь транснациональных корпораций<sup>22</sup>.

Но от этого страна, которой удалось «заманить» какую-либо крупнейшую иностранную фирму, не становится подлинным научно-технологическим лидером. Ее благополучие не может считаться долгосрочно стабильным, ибо оно определяется *стратегическими и конъюнктурными интересами иностранного капитала*. Разумеется, для развивающейся страны, никогда не входившей в мировую научно-техническую элиту, подобная политика выглядит вполне уместной, но для России, пожавшей некогда лавры супердержавы с передовой наукой, образованием и техникой, такой путь выглядит национальным оскорблением. По этой же причине нам вряд ли может подойти пример Китая. Из него явствует, что модернизация КНР в течение десяти-пятнадцати лет питалась инновациями, осуществлявшимися путем технологического заимствования<sup>23</sup>.

Впечатляющие успехи отраслей ИКТ, ставших основой экономического роста приведенных в качестве примера государств, вдохновили правительства многих развивающихся стран на повторение удававшегося опыта с определением ИКТ-сектора в качестве стратегической отрасли экономики<sup>24</sup>. Однако распространение практики государственного субсидирования и других методов стимулирования развития ИКТ-отрасли в сопоставлении с малым числом стран, добившихся на этом поприще несомненных успехов, заставляет усомниться в универсальности такой политики. Велика вероятность, что субсидируемая государством отрасль ИКТ проиграет в жесткой конкуренции на очень динамичном мировом рынке. Примером тому могут быть Турция, Индия, Бразилия и Мексика, где промышленность по производству компьютерных деталей по-прежнему развита слабо, невзирая на ее усиленную защиту и поддержку со стороны государства<sup>25</sup>.

<sup>22</sup> Известно, что данные корпорации по своей сути космополитичны и мобильны, в силу чего в любой момент способны быстро передислоцироваться со своим дорогостоящим оборудованием и наиболее квалифицированными кадрами (которые не обязательно являются представителями местного населения) в другие с более привлекательными условиями страны.

<sup>23</sup> *Иноземцев В.Л.* Модернизация в России: каковы шансы на успех // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 147.

<sup>24</sup> Этот соблазн охватил даже откровенно самые слаборазвитые страны. Например, в Ураганде — весьма бедной стране, с ВВП на душу населения ниже 300 долл., с менее чем двумя телефонами (включая стационарные и мобильные) на 100 жителей и с экспортом, не превышающим 700 млн долл. в год, принята национальная программа в сфере ИКТ, в которой поставлена цель «стимулировать производство ИКТ-оборудования на местном уровне» (Всемирный саммит по информационному обществу, Женева, Швейцария, февраль 2003).

<sup>25</sup> И напротив, практика ряда развивающихся стран показывает, что сектор ИКТ способен стремительно расти даже без вмешательства государства. Показательным примером на этот счет служит производство программного обеспечения в Индии. Практически не получив защиты и поддержки со стороны государства, выпуск программного обеспечения в этой стране рос невероятными темпами: экспорт программных продуктов увеличивался со 165 млн долл. в 1990 г. до 6,2 млрд долл. в 2000 г. и 9,2 млрд долл. в 2002 г. (за 12 лет в 56 раз), обогнав главные традиционные отрасли — сталелитейную и автомобилестроительную промышленность и став национальным лидером по величине добавленной стоимости (*Хуонг Минь Ву*. Указ. соч. С. 282–284).

Таким образом, государственное стимулирование ИКТ обещает невероятные успехи. Подобная политика *требует четкой стратегии и взвешенного подхода*. Государственные инвестиции в ИКТ для их ускоренного распространения в экономике или в каком-то конкретном секторе, несомненно, могут быть эффективными. Но величина эффекта будет зависеть от рыночных условий и характеристик определенного сектора экономики. Принимая решение по этому вопросу, необходимо соизмерять альтернативные издержки: игнорирование процесса распространения ИКТ, с одной стороны, и значительные затраты ограниченных ресурсов на субсидирование сектора производства ИКТ — с другой.

### ***Государственная стратегия и программа созидания «информационного общества»***

Новейшие целевые установки и содержание планируемых действий по формированию в России «информационного общества» определены государственной «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации» (далее — Стратегия), утвержденной Президентом 7 февраля 2008 г.

Информатизация российского общества и государства началась не с принятием указанного документа. Этот процесс идет на протяжении почти двадцати лет, в течение которых принимались многие государственные решения, направленные на внедрение и использование информационных и телекоммуникационных технологий в различных сферах жизнедеятельности современной России. Однако принятие Стратегии — отражение необходимости осмысления накопленного значительного опыта достижений и проблем в этой области, обновления перспективных целей и задач, в т.ч. с учетом (и на это обстоятельство следует обратить особое внимание) *возникших новых международных обязательств* Российской Федерации.

Тем самым со Стратегией связывается наступление *нового этапа информатизации*. Его содержанием должны стать существенные изменения в динамике показателей развития информационной, телекоммуникационной инфраструктуры и высоких технологий.

Стратегия, как важнейший государственный документ, призвана придать более динамичный, упорядоченный и целенаправленный характер соответствующим процессам. Причем, что особенно важно, рассматривая их *в контексте созидания глобального «информационного общества»*. Ей отводится исключительно важная роль и как *политико-правовой основы* доктринальных, концептуальных, программных и иных документов в сфере информатизации общества и государства.

Беря за ориентир опыт тех стран мира, где ИКТ уже стали локомотивом социально-экономического развития, Стратегия полагает необходимым и для современной России в ближайшем будущем занять достойное место в ряду лидеров глобального информационного общества, опираясь на *имеющийся* культурный, образовательный и научно-технический потенциал страны. Однако одновременно Стратегия удовлетворяется *потенциалом, оставшимся после долгих лет его кризисной деградации*, а о необходимости его восстановления или приумножения в ней ничего не говорится.

Это тем более странно, что в документе с формированием «информационного общества» связывается *благополучие* и общества, и бизнеса, и государства. На основе использования информационных и телекоммуникационных технологий предполагается, например, добиться и повышения качества жизни граждан, и обеспечения конкурентоспособности России, и развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, а также совершенствования системы государственного управления. Выполнение же этой многоцелевой, комплексной роли ИКТ станет возможным при условии решения *восьми основополагающих задач*<sup>26</sup>, содержание которых и определило основные направления реализации Стратегии.

Оценивая содержание этих задач, обратим внимание на преобладание в них *потребительского акцента*. Необоснованно большой, можно даже сказать, главный упор делается на *использовании* (без уточнения отечественных или импортных), а не на *создании отечественных ИКТ, на развитии собственных разработок* в этой сфере, на *восстановлении* отечественных позиций в микроэлектронике и других высокотехнологичных отраслях. Лишь в одной из задач говорится о чем-то близком по смыслу. Но, на наш взгляд, говорится совершенно невнятно и недостаточно, хотя ключевой вопрос национальной стратегии — *как развернуть свое российское производство продукции и услуг в сфере ИКТ, сделав их востребованными нашей экономикой*.

Однако рассматриваемый документ не содержит подобных предложений. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на закрепленные в нем принципы формирования информационного общества в России. Их неопределенность не позволяет надеяться, что, руководствуясь ими, государство выдвинет на первые роли в формировании информационного общества российские науку и технику. Между тем речь должна идти о предельно четкой и энергичной позиции государства, которое должно озаботиться не абстрактной поддержкой, а сделать отечественных производителей безусловно *доминирующими* на российском рынке ИКТ (разумеется, не ценой административного устранения иностранных конкурентов, а путем их вытеснения более эффективными российскими компаниями).

Эта непростая задача с каждым годом все более усложняется и без специальных усилий в этом направлении нас просто завалит импортом. Дело в том, что объем российского ИКТ-сегмента, оцениваемый в 361,5 млрд руб., что составляет уже почти 5% от общемирового рынка, динамично расширяется. Темпы роста рынка информационной и компьютер-

---

<sup>26</sup> Формирование информационной и телекоммуникационной инфраструктуры; повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения на основе использования ИКТ; развитие на той же основе экономики страны; совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере; повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг; развитие науки, технологий и техники, подготовку квалифицированных кадров в сфере ИКТ; сохранение культуры, укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, развитие системы культурного и гуманитарного просвещения; противодействие использованию потенциала ИКТ в целях угрозы национальным интересам России.

ной техники в России в целом значительно превосходят показатели развитых стран — 25–30% в год в сравнении с 3–5% в государствах Европы.

Например, общее число эксплуатируемых в стране ПК в 2010 г. увеличилось (по сравнению с предыдущим годом) более чем на 35%, превысив 23 млн шт. Объем же информации, передаваемой по глобальной Сети, вырос в 1,6 раза<sup>27</sup>. А российский рынок компьютеров, даже при столь высоких темпах развития, еще очень далек от насыщения, поскольку его потребности удовлетворены всего на 10–20%. Неудивительно, что он все больше привлекает мировых производителей ИТ-оборудования. К тому же не отпускающий развитые страны кризис заставляет зарубежных производителей информационных технологий обратить особо пристальное внимание на состояние компьютерной отрасли именно в России<sup>28</sup>.

По мнению экспертов, рынок компьютерной техники в России будет развиваться по пути, проложенному западными странами. Но производство в этой области будет осуществляться не российскими фирмами, а западными и восточными партнерами. По некоторым оценкам, доля российского производителя на отечественном рынке электроники невелика (около 80% всей продукции в Россию ввозится из-за рубежа)<sup>29</sup>. Укрепление позиций российских компьютерных фирм возможно лишь в отношении последующей сборки компьютеров, а также интеграции компьютерной техники в общую систему взаимосвязей на предприятии. Возможно также наращивание мощностей у российских производителей программного обеспечения<sup>30</sup>.

Государство же не только запаздывает с определением системных мер поддержки отечественных производителей, но и *формирует* в ряде случаев *дискриминационные для них условия*.

Так, налоговые льготы, которые нужны ИТ-отрасли, и в частности так называемым софтверным компаниям, ориентированы на интересы исключительно экспортеров программного обеспечения, из-за чего меры поддержки распространяются *только на 30* таких компаний. При этом многочисленные российские фирмы, работающие на внутренний рынок, не пользуются подобными налоговыми льготами. Вопрос о распространении льгот на всю отрасль стоит предельно остро, поскольку без этого шага отечественные компании будут окончательно вытеснены иностранными<sup>31</sup>.

Отметим также неравномерность реализации стратегии создания «информационного общества».

<sup>27</sup> Российская Бизнес-газета, 9 нояб. 2010 г.

<sup>28</sup> Экспансия идет по всем направлениям, чему, к немалому удивлению, способствуют решения российских властей. Так, на заседании Правительственной комиссии по федеральной связи и технологическим вопросам информатизации, состоявшемся в ноябре 2010 г., было признано возможным функционирование на территории РФ системных проектов по построению и функционированию российских сегментов зарубежных систем подвижной персональной спутниковой связи *Iridium*, *Orbcomm* и *Thuraya*.

<sup>29</sup> Российская Бизнес-газета, 9 нояб. 2010 г.

<sup>30</sup> Яюанчин Я. Взгляд со стороны. Мировые производители компьютеров присматриваются к российскому рынку / Российская Бизнес-газета, 29 июня 2010 г.

<sup>31</sup> Исайков В. Одно окно для ИТ-отрасли. Замминистра связи и массовых коммуникаций считает, что ИТ-льготы должны распространяться на всю индустрию / Российская газета, 2 сент. 2010 г.

Так, внедрение электронной торговли обеспечивает уже около трети общего объема торговых операций. А вот электронный документооборот, на который делался не меньший упор, действует пока только на уровне отдельных ведомств, а межведомственного же электронного взаимодействия до сих пор обеспечить так и не удалось. Медленно продвигается проект по предоставлению налоговых деклараций в электронном виде. В таком же состоянии находится проект по предоставлению электронных таможенных деклараций. Проект по созданию электронных «социальных карт» для граждан существует лишь в небольшом числе российских регионов. При этом реально выполняемые «социальными картами» функции составляют лишь малую часть, которые они должны оказывать, согласно утвержденным планам. О предоставлении государственных электронных услуг в рамках концепции «электронного правительства» можно только мечтать. Сильное отставание сложилось и с внедрением информационных технологий в сфере культуры. Информатизация учреждений культуры практически не финансируется, библиотеки слабо оснащены компьютерной техникой, и очень малое количество библиотек имеют приличный доступ в Интернет. Похожие трудности отмечаются и в сфере здравоохранения.

Анализ накопленного опыта показывает, что успех сопутствует проектам, в которых использовался *предельно конкретный*, опирающийся на заранее подготовленную нормативно-юридическую базу, *подход*. Подход, предусматривающий определение: кто и в какие сроки реализует поставленную задачу, каким будет формат использования разрабатываемых информационных систем. Там же, где ограничивались только заявлениями о необходимости развития определенных информационных технологий, но не принималось конкретных решений по исполнению этих планов, успехов не было. Поэтому вывод довольно прост — недопустимо довольствоваться только лишь политическими декларациями, их необходимо подкреплять четкими организационно-экономическими решениями, разработкой программы согласованных действий с конкретными мероприятиями, участниками, сроками исполнения и результатами, необходимой юридической базой и действенной системой контроля исполнения<sup>32</sup>.

Но можно сделать и другой неутешительный вывод. Информатизация идет лишь там, где государственной власти удастся «продать» внедрение информационных технологий, сама же экономика по-прежнему остается инновационно инертной, мало восприимчивой к информационным нововведениям, не обеспечивая на них того уровня спроса, которого было бы впору ожидать от страны, рвущейся в информационное общество.

Новый этап в реализации стратегии развития «информационного общества» должна открыть пришедшая на смену закончившейся в 2010 г. ФЦП «Электронная Россия» и рассчитанная на 2011–2020 гг. государственная программа «Информационное общество».

Эта Программа имеет многоцелевую структуру. Наибольший вес — до 20–30% в ней будут занимать мероприятия по созданию «электронного правительства». При этом ставится задача консолидации и согла-

<sup>32</sup> Ускова О. Ничего конкретного / Российская Бизнес-газета, 18 авг. 2009 г.

сованного целевого использования ведомственных расходов бюджетных средств на ИКТ, которые составляют около 50–70 млрд руб. в год.

В ряду других направлений — повышение качества жизни граждан, улучшение условий деятельности бизнеса, преодоление «цифрового неравенства» регионов, обеспечение безопасности в информационном обществе, сохранение культурного наследия, развитие рынка информационных технологий. Проблеме преодоления «цифрового неравенства» в регионах в Программе посвящен специальный раздел. В ее решении упор делается на оснащение регионов не техникой, а прикладными системами, основанными на типовых решениях, которые будут использоваться в медицине, образовании и т.д.

Кроме того, Программой планируется создание национальной программной платформы, включающей в себя операционную систему на базе существующего сейчас свободного программного обеспечения *Linux*. Полноценная версия операционной системы должна появиться уже в 2011 г. Разработчики рассчитывают, что широкое использование национальной операционной системы позволит поддержать отечественных разработчиков программного обеспечения и создать новые рабочие места в отрасли.

В числе основных показателей реализации программы названы перевод всех государственных услуг в электронный вид, обеспечение 85% граждан широкополосным доступом в Интернет со скоростью 50 Мбит/сек, увеличение доли ИКТ в общем объеме ВВП в 2–2,5 раза. По результатам реализации программы доля населения, имеющего возможность приема эфирных цифровых телеканалов, должна увеличиться с 30% в 2011 г. до 99% в 2015 г., доля семей, имеющих широкополосный доступ в Интернет, — с 45% до 80% в 2020 г. Удельный вес сектора информационных технологий в ВВП России по планам возрастет с 4,5% в 2011 г. до 7,1% в 2020 г., а экспорт товаров, связанных с информационными технологиями, — с 3,7 млрд до 8,1 млрд долл. Но главная цель Программы состоит в том, чтобы к 2014 г. граждане могли получать все федеральные госуслуги в электронном виде<sup>33</sup>.

В заключение отметим, что против идеи формирования в России «информационного общества» в принципе возражать не приходится. Однако, как доказывает мировой опыт, переход к нему *предполагает достижение экономикой определенного уровня развития*. Данное принципиальное обстоятельство у нас игнорируется. Доминирует технократический подход, сводящий суть преобразований на пути к информационному обществу к сугубо технологическим изменениям, и игнорирующий экономические и социокультурные факторы.

И конечно же нельзя рассчитывать на успех, если не будет признано, что основой созидания нового информационного облика страны должны стать отечественные наука, техника и промышленность. Наивно полагать, что ориентация на использование импортных ИКТ гарантирует преодоление примитивизации российской экономики, обеспечив ее переход в постиндустриальную стадию.

<sup>33</sup> Российская Бизнес-газета, 23 нояб. 2010 г.